

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

М. К. МАМАРДАШВИЛИ

СТРЕЛА ПОЗНАНИЯ

НАБРОСОК
ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКОЙ
ГНОСЕОЛОГИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Ю. П. СЕНОКОСОВА

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1996

ББК 87.2
М 22

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96 03-16098

Мамардашвили М. К.

М 22 Стрела познания (набросок естественноисторической гносеологии). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304 с.

ISBN 5-88766-034-1

Под редакцией Ю. П. Сенокосова.

Существует достаточно важная группа принципов исследования научного знания, которая может быть получена простым развитием соображений, касающихся вообще места сознательного опыта в системе природы, описываемой в нем же самом физически (то есть не в терминах сознания, «субъекта»). Вытекающие отсюда жизнеподобные черты познавательных формаций, ограничения положения наблюдателя в его отношении к миру знания и т. д. порождают законный вопрос об особом пространстве и времени знания как естественно-исторического объекта. Этим вопросам и посвящена данная книга.

ББК 87.2

ISBN 5-88766 034 1

© М. К. Мамардашвили, 1997
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....7

ВВЕДЕНИЕ. ЕСТЕСТВЕННОИСТОРИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ СОЗНАТЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ 11

СТРЕЛА ПОЗНАНИЯ
(набросок естественноисторической гносеологии) 25

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. К. Мамардашвили
К ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ
ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОБЫТИЙ ЗНАНИЯ 281

Ю. П. Сенокосов
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ..... 299

От редактора

В отличие от лекций (например, о Декарте или Прусте), на которых присутствовали слушатели и с содержанием которых можно было познакомиться затем на основе магнитофонных записей (в настоящее время изданных), текст этой книги, посвященной философии науки, существующий в двух машинописных экземплярах, практически никому не известен и публикуется впервые. Он был написан в середине 70-х годов, когда Мераб Константинович Мамардашвили (1930—1990) работал в Институте истории естествознания и техники.

Суть проблемы, которая интересовала в те годы М. К. Мамардашвили, можно передать словами Ф. Ницше. В предисловии ко второму изданию своей знаменитой книги «Рождение трагедии», еще не утратив чувство юмора и самоиронии, Ницше писал: «То, что мне пришлось (в ней) схватить... — проблема рогатая, не то, чтобы непременно бык, но во всяком случае *новая* проблема; теперь бы я сказал, что это была *проблема* самой науки [речь идет о филологии. — Ю. С.] — наука, впервые понятая как проблема, как нечто достойное вопроса». И задавал этот вопрос так: «А... наша наука, — что означает вообще всякая наука, как симптом жизни?»*

Но поскольку М. К. Мамардашвили интересовала наука XX века, и он отнюдь не был склонен рассматривать ее в медицинских терминах (выражаясь его словами, он видел в науке «событие жизни»), его исследовательская стилистика и пафос — нейтральны и ориентированы при этом на *естественноисторическое описание сознательных явлений*. Говоря коротко, я бы выразил его подход к анализу науки в этой книге следующим образом.

* Ницше Ф. Соч. в двух томах. Составление, редакция изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. Пер. с нем. М.: Мысль, 1990, т. 1, с. 49.

С одной стороны, он предполагает восприятие природного мира как космического чуда порядка, *непостижимого* для человека, а с другой — такое отношение к нему, когда не меньшим чудом может стать его *постижимость*, опосредованная научным (или художественным) познанием. Но в любом случае (как, например, в случае Эйнштейна, который считал, что никакая научная теория «не приближает нас к тайне Самого», так и в случае Бора — известного оппонента Эйнштейна), обе эти традиции, свидетельствующие, по мнению М. К., о духовной связи человека с миром, в равной степени позволяют ученому пережить в какой-то момент чувство целостности мира.

«Стрела познания» — не только необычная, написанная в жанре последовательно формулируемых и часто развернутых тезисов, но и трудная книга. Во всяком случае, сознавая, очевидно, это обстоятельство, фактически сразу после окончания работы над ней, М. К. начинает писать статью (см. *Приложение*), в которой пытается вновь изложить главную идею книги, а также — спустя несколько лет! — меняет ее название. Вместо прежнего «Набросок естественноисторической теории познания» с подзаголовком (так в рукописи) — К «трактату о развивающемся знании» появляется новое: *Стрела познания* (Набросок естественноисторической гносеологии). Судя по всему, это было вызвано двумя немаловажными вещами. Во-первых, явным желанием внести бóльшую ясность и подчеркнуть, уже на уровне заглавия, что его книга посвящена проблеме необратимости акта познания (в духе идей Ильи Пригожина, известного Нобелевского лауреата по физике). А во-вторых, самой выразительностью нового названия, перекликающегося с поэтической фразой О. Мандельштама: «Мысли живая стрела», — которую он собирался (как об этом свидетельствует карандашная пометка на заглавном листе первого экземпляра рукописи) взять в качестве эпиграфа к книге.

Я же, чтобы облегчить читателю восприятие содержания книги, решил включить в нее при издании один

из неопубликованных докладов М. К. на близкую тему, отредактированный им, в виде Введения, а также упомянутую статью — «К пространственно временной феноменологии событий знания» и свое Послесловие к ней, которые были напечатаны в журнале «Вопросы философии» (№ 1, 1994).

Текст книги издается по первому экземпляру рукописи (хранящейся у сестры философа, Изы Константиновны Мамардашвили) с сохранением авторского синтаксиса, знаков препинания, курсивных выделений и с включением более поздних, небольших авторских вставок (как правило, карандашом), которые были, видимо, внесены при ее просмотре в 80-е годы.

Ю. П. Сенокосов

Введение

Естественноисторическое описание сознательных явлений

Принцип и идеал рациональности, ее, так сказать, понятие тесно связаны с некоторыми определениями сознания, его космологически постулируемыми свойствами.

Экспликация же последних в самих основах физического знания, особенно, в современных неклассических вариантах идеала рациональности в свою очередь способно бросить свет на возможности «естественного» или «естественноисторического» описания явлений сознания в обществе, истории и человеческой реальности. Последнее может быть как бы продолженным решением первых, экстраполирующим как их основания, так и определенную гомогенность языка описания (иначе не достигнута). То есть, я хочу сказать, что выявленность внелогической базы наших знаний о природе укрепляет «естественность» наших же возможных знаний в области анализа процессов сознания как части человеческой реальности и истории (если, конечно, удадутся такой перенос и продолжение). Я возьму ограниченный случай — анализ познания (взятого вместе с его историей).

Словосочетание «естественноисторическая гносеология», фигурирующее в названии работы, может шокировать или вызвать недоумение. Оно, действительно, лежит несколько в стороне от унаследованной эпистемологической традиции и требует поэтому определенных разъяснений.

В теории познания возникает обычно один простой вопрос: для чего вообще годится ее концептуальный аппарат, какие задачи он решает и для каких целей он выработан? В этом плане, ту теорию познания, какую мы имеем, я назову «унаследованной» (примерно в том же смысле, в каком употребляют, например, выражение «унаследован-

ное английское произношение и языковой строй» в лингвистике, имея в виду не абсолютную правильность или преимущество, а просто образцовую установленность по наследованию). В том числе, включая в нее и ту теорию, которую называют марксистской, считая ее особенной. Но в том пункте, который я имею в виду, это различие минимально и сказывается лишь в содержании утверждения. У меня же речь идет об интеллектуальном аппарате, а не об отдельных утверждениях, которые, конечно, отличаются.

Я имею в виду, прежде всего, следующее. Допустим, мы захотели бы, взяв аппарат, совокупность понятий теории познания, которую мы унаследовали, приложить (предположив, что он *описывает* познание), скажем, к истории познания, что не должно было бы вызывать никаких затруднений, если бы теория действительно описывала бы познание. Но как только мы попробуем это сделать, окажется, что ни номенклатура, то есть основные классификации, основные понятия, основные разбиения, ни сам способ мышления в рамках теории познания не годятся для воспроизведения того, как познание реально развивалось, исторически прогрессировало в науках и так далее. В частности, возникает сразу дилемма между имманентной историей науки и экстерналистской историей науки, дилемма эволюционизма, кумуляции или ломки понятий и так далее. Здесь есть какие-то принципиальные затруднения, порождаемые тем, как строится описательный аппарат самой теории познания. И вся проблема состоит в том, что, очевидно, должно быть изменено в таком случае основное расчленение, основной набор номенклатурных единиц, в которых мы описываем познавательные процессы. Имеющиеся номенклатурные единицы очень простые, они всем, в общем, известны. Мы разбиваем познание в описании его на математический или формальный аппарат, физическую теорию, интерпретацию физической теории, модели, являющиеся носителями этой интерпретации, и эмпирическую (экспериментально-приборную)

базу, на которой семантически разрешаются все вышеуказанные слои. Это номенклатура, которую мы имеем. И по этой номенклатуре, кстати, марксистская теория познания не отличается ни от какой другой. Она отличается внутри номенклатуры, то есть выводами, утверждениями, но не самим расчленением познания и не самими абстракциями. Правда, несколько чужеродным телом в такой унаследованной теории познания и унаследованной номенклатуре являются идеи социальной обусловленности познания (распространенные теперь и вне ареала марксистской мысли), вернее, предметной практики как критерия познания. Но в общем-то в том реальном виде, как осуществляется наша работа, это радикально расчленения познания не меняет и не сказывается на нем, лишь порождая дополнительные трудности. Каким образом, например, социальные связи или социальные содержания воздействуют на познание? Если они воздействуют, то значит мы познаем не мир, а познаем лишь собственный экран человеческий, который воздвигается перед нашими глазами, и это никак не может объяснить познание нами (а оно — факт) универсальных или всеобщих физических законов, поскольку последние описывают мир не только независимо от общества, но и от человека и от человечества, в том числе независимо и от частной случайности того, что человек устроен именно таким-то образом, что у него именно такие приборы и такие органы чувств, а не другие. И что же значит предметная практика как критерий истины? Просто отбор *со временем* (а не в момент познания) правильного от неправильного?

Одним словом, я могу резюмировать существующую ситуацию следующим образом: унаследованная теория познания есть нормативная или «законодательная» теория познания. Она эксплицирует связи и смыслы, регулирующие выражения познавательных формаций, и эксплицирует их с точки зрения того, какими эти последние *должны быть*. Тем самым, она ставит себе задачу предписывать некоторые нормы самому познавательному про-

цессу, пояснив и обобщив идеальный смысл его объективности и тех связей, в каких эта объективность фактически достигается и всяким сознанием понимается. Я не случайно называю такую установку унаследованной, потому что она действительно является стилистически общей для культуры XIX и XX веков, где и эстетика, и другие дисциплины развивались в качестве нормативных. Причем, я здесь отвлекаюсь от традиционного различения, часто проводимого в философских дискуссиях в XX веке, между фактическими описаниями и нормами — в частности, как это делается в гуссерлевском обосновании феноменологии. Ибо то, что я хочу различить, лежит вообще вне обсуждаемого здесь соотношения между нормой и теорией, как описания какой-то фактической (независимой от должного) действительности, поскольку и то, что называется описанием, и то, что называется нормой, оказывается, с моей точки зрения, одним и тем же, раз речь идет о «понимающей процедуре» в анализе познания. Что я имею в виду?

В определенном смысле моя позиция противоположна или обратна гуссерлевской (которая, кстати, есть выражение, собственно говоря, не только одной его позиции, а вообще позиции, которая реализуется в унаследованной теории познания; Гуссерль был просто честный человек и доводил до конца импликации и последствия того, что делалось на самом деле). Он говорил, что теория познания в собственном смысле слова не является (и не должна быть) теорией в том же смысле, в каком ею являются, скажем, какие-то естественно-научные, психологические или социологические теории. Она не описывает какую-либо последовательность или совместность эмпирических событий в пространстве и времени, связывая их в какой-либо общий закон и дедуцируя из него. Она имеет своей задачей понять и пояснить существующие познавательные образования и формации с точки зрения их конститутивных элементов и идеального смысла, превращающего их в возможности мышления. Она не имеет в виду оп-

ределенный реальный процесс, в котором какие-то единичности случались бы в связях сосуществования и последовательности, то есть в пространстве и времени, и объяснялись бы подведением под общий закон, что делало бы соответствующее описание теорией. Так вот, в этом смысле, говорит Гуссерль, нельзя теорию познания называть теорией. Что не значит, конечно, что в «теории познания» нет теоретической работы, в смысле каких-то идеал-конструктивных построений и пр.; просто здесь предмет не тот, о котором вообще бывают теории.

Действительно, возьмем любое наше теоретико-познавательное исследование, даже самое лучшее, скажем, в русле *так называемой* «логики науки», анализа структур физических теорий и так далее, и посмотрим, что там анализируется. Мы увидим, что анализируются имеющиеся научные понятия, эксплицируемые в рамках самого же способа построения этих понятий, но взятых уже как понимаемые и обосновываемые философом, который видит в них идеальности мышления, разъясняемые в рамках определенного мировоззрения. Короче говоря, то, что называется «теорией познания» или «методологией», оказывается просто дополнительной работой к уже проделанной. Физик строит понятия, и ему не нужно при этом говорить о логических или гносеологических свойствах этого построения, о посылках и допущениях, которые предполагает какой-то один его уровень; о посылках и допущениях, которые предполагает другой его уровень; о связях и иерархии этих уровней и так далее. Это не его специальная задача, так же как физик может не оперировать даже понятием «уровня теории». Но приходит методолог и выявляет все, что содержится в физической теории и скрыто в ее предметных терминах. Здесь, кстати, и возникает коварный парадокс, оправдываемый часто философом со ссылкой на процесс дифференциации и интеграции наук, когда методология становится частью самой науки, отделяясь от философии. Но это не случайно — она и не была самостоятельным образованием. Поэтому вполне справедливо,